

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

ЧАС ТОРЖЕСТВА

МАРСЕЛЬЕЗА

Былые вехи сердце вспомнит,
заглянет в прошлые века.
И “Марсельезу” хор исполнит
на сцене сельского ДК.

Десяток хрупких изваяний
поют, сомкнувшись в полукруг.
Самозабвенно на баяне
ведёт мелодию худрук.

Он рад приветливой погоде
и скажет, робкая душа:
“Я знаю, что слова не в моде,
но больно песня хороша!

Что ни пошлют — всё принимает
неприхотливый наш народ.
Лишь одного не понимает:
назад идём — или вперёд?

СЫРНЕВА Светлана Анатольевна родилась в деревне Русско-Тимкино Кировской области. Окончила педагогический институт. Работала учительницей в сельской школе, корреспондентом и редактором в районной газете. Автор четырёх поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кирове.

Что ж раньше! Раньше, безусловно,
порядка больше было тут.
А этот хор у нас церковный,
они и в храме все поют”.

И вот церковная ограда,
сплетенье чистых голосов.
Душа не помнит — и не надо! —
противоречья разных слов.

И в купол улетает пенье,
и те, что пели о борьбе,
поют всё так же о терпенье
и о покорности судьбе.

И звук, рождённый в этом хоре,
лучом вернётся по стене
к иконе, где святой Егорий
всё скачет, скачет на коне...

ЛЕБЕДЬ

Вымахнут травы короной густой,
высушит ветер апрельскую сырость.
И лебедёнок, что рос сиротой,
за зиму в сильного лебедя вырос.

Вот он плывет к середине пруда,
скудного детства забывший невзгоды,
словно сама его движет вода,
как наивысшее чудо природы.

В заросли солнца вплетён краснотал,
чистые росы осыпали поле.
Час торжества! Он нежданно настал,
как проявленье космической воли.

Есть у тебя только час, только миг —
самозабвенная, вольная младость!
Но, торжествуя, никто не постиг,
не уберёт эту краткую радость.

Та же река, да не те берега —
всё раскачало волной парохода.
Скошен в лугах и уложен в стога
жаркий кумач твоего хоровода.

* * *

Нарождается праздник цветущей весны,
и такое в природе творится!..
Стоит солнцу взойти — и с любой стороны
вылет пчёл на цветы состоится.

Потому что и яблони все зацвели,
а куда от сирени деваться!
И буравят листву золотые шмели,
пригибая соцветья акаций.

Это школьный, старинный, раскидистый сад,
это детства весенняя зона,
где сияющий воздух до неба объят
ровным гулом пчелиного звона.

Над бескрайней равниной побед и потерь
голубые раскинуты сети.
Вот и школьный звонок — и в открытую дверь
на каникулы вырвутся дети.

На окне — позабытая кем-то тетрадь,
жизни пройденной малая вежа.
Улетели! Умчались! Ничем не сдержать
беззаботного детского смеха!

И не веришь, что миг торжества преходящ,
и забудешь, что праздник не вечен:
сбóит солнцу зайти — из берёзовых чаш
вылет майских жуков обеспечен.

В темноте они мягко и густо скользят,
зачарованный путь выбирая,
чтобы рушиться вниз и стучаться, как град,
о дощатую крышу сарая.

* * *

Долгих осенних ночей чернота
спрячет тебя, словно в стоге иголку.
Тьма во Вселенной густа: неспроста
маленький джип заплутал по просёлку.

И по ухабам сползая в кювет,
в битве бессмысленной силы транжиря,
мечется фар лихорадочный свет,
словно последний оставшийся в мире.

Ночь ли застигла, иль ты их застиг —
знаю я, ведаю: не для забавы
из темноты выступали на миг
остолбеневшие серые травы,

куст придорожный да в поле ветла,
вросшие в землю с нехитрой поклажей, —
будто судьба на секунду дала
видеть твоих сострадательных стражей.

И вразноряд они шли, и гурьбой,
словно видения дальнего детства.
Для неожиданной встречи с тобой
не успевали они приодеться.

Чем же ты раньше свой путь размечал,
чем несущественным был озабочен,
если не помнил, не различал
скопом стоящих у грязных обочин?!

Выйди, прислушайся! Там, впереди,
тёмного мира скопилась громада.

Чёрная роща под ветром гудит,
как несмолкающий шум водопада.

Мог бы и ты сквозь погибельный сон
рушиться в пропасть, сознание теряя.
Если прислушался — значит, спасён
и остановлен у самого края.

* * *

Позабить бы всё прошлое сразу,
потому что погубит оно:
словно гиря, невидная глазу,
изматает, утянет на дно.

С каждым годом они тяжелее —
жернова, омота, камыши...
Не о юности я сожалею,
а о лёгкости юной души.

Нет, я жить не хотела бы снова,
я хотела бы лишь одного:
чтоб отпала от сердца большого
неизбывная мука его.

Ведь за муку бывает награда
на последней, предельной черте.
Если так — мне и счастья не надо:
я хотела бы жить в пустоте.

По бескрайней морозной равнине
под немеркнущим инеем звёзд
всё молчит, цепенеет и стынет,
и ямщик у кибитки прирос.

В ледяной он, в хрустальной оправе,
он в студёное марево вжит.
Он не свищет, не хлещет, не правит —
но сама его тройка бежит.